

АНДРЕЙ БЧЛЪЖО

БУАБТЕ ЗАДОРОВЫ
Ч АЕРЖИТЕ

СЕБЯ В РУКАХ

ИЗРЕСТА
СЕНЕН
89166953619

Андрей Бильжо

**Будьте здоровы и
держите себя в руках**

«НЛО»

2015

Бильжо А. Г.

Будьте здоровы и держите себя в руках / А. Г. Бильжо —
«НЛО», 2015

Под одной обложкой здесь собраны тексты знаменитого художника и психиатра (“мозговеда”) Андрея Бильжо. Все эти тексты очень о разном. О прошлом и настоящем. О забавном и грустном. В них много психиатрического... Много юмористического. Много сатирического. А в целом это весьма злободневные и колоритные очерки нравов современного российского общества. Часть из этих текстов была написана для журнала “Русский пионер”, часть — для других изданий, а часть — специально для этой книги. Рисунки с комментариями публиковались в рубрике “История от Андрея Бильжо” в журнале “Дилетант”.

© Бильжо А. Г., 2015

© НЛО, 2015

Содержание

Вместо предисловия	5
60 небольших текстов	8
1. Собачий космос	8
2. "Мы едем, едем, едем в..."	12
3. Последний звонок и первый стакан	15
4. Мой первый водитель	17
5. Вот такое кино...	19
6. Без пафоса	25
7. Детский мир	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Андрей Бильжо

Будьте здоровы и держите себя в руках

Вместо предисловия

Я по-разному хотел назвать эту книгу. Был, например, такой вариант – “Обрезки «Наполеона»”. Тогда каждый текст я назвал бы кусочком: “кусочек-1”, “кусочек-2”, “кусочек-3” и так далее.

Потом мне показалось, что читатель может обидеться – мол, почему это мне дают обрезки? И, кроме того, вдруг многие уже и не знают, что Наполеон – это не только полководец?.. И обвинят меня в некорректности и неуважении – как это могут быть “обрезки” человека!.

Вот один из кусочков того предполагаемого предисловия.

Накануне какого-нибудь праздника – семейного ли, советского ли – мои родители пекли торт “Наполеон”. Это было долгим занятием. Сначала делалось много коржей. Пеклись они накануне вечером. Коржи мама раскладывала в комнате на разные плоскости – на холодильник, на шкаф, на стол, на стулья, – и в комнате очень вкусно пахло. Потом эти коржи промазывали заварным кремом, и они должны были им пропитаться. Ну а потом, уже на следующий день, перед приходом гостей и началом самого праздника, крайняя плоть “Наполеона” обрезалась с целью придать торту вида прямоугольника. Обрезки же эти были бесформенны, местами не пропитаны кремом, хрустящими и очень вкусными. Их-то, эти обрезки, я с удовольствием съедал.

Еще я хотел назвать эту книгу “Крошки со стола”, но быстро отмел и этот вариант. По той же причине. Опять я не хотел обидеть читателя, последнее время, мне кажется, ставшего очень чувствительным. Ведь он мог подумать: мол, что это Бильжо нам дает какие-то подачки со своего стола?.. Какие-то крошки!.. Кто мы ему?.. За кого он нас принимает?.. Ну и так далее.

Как-то после выставки карикатур в библиотеке имени Тургенева, посвященной творчеству Ивана Сергеевича, в книге отзывов я прочел: “Бильжо ненавидит собак и глухонемых”. Вот так обидчивый и чувствительный зритель оценил мое творчество. Так его ранили картинки, где фигурировали Муму и Герасим... Так что я теперь осторожен.

Вот кусочек из несостоявшегося предисловия.

Крошки со стола сметают разными способами: специальной щеточкой в специальный маленький совочек. Щеточка чуть с изгибом, совочек тоже. У моей бабушки был такой набор – очень красивый. И он сохранился. А еще хранилось у бабушки голубиное крыло – причем настоящее, но очень старое, то есть перья на косточке. Как они крепились – непонятно. Крыло было жесткое, сметать им крошки было очень удобно, а смотреть на это – жутковато.

Еще существуют специальные металлические, десятисантиметровые желобки, похожие на “чертов палец”, – такие “штучки” я видел у официантов в ресторанах Монако. Официант ловко сметал крошки этим желобком в ладонь. Впрочем, можно это делать и простым ножом, – обратной его стороной.

Крошки можно выбросить в помойное ведро, или скормить их птицам или рыбкам... ну или отправить в рот. Вот и у меня на столе остались какие-то крошки. Выбрасывать их жалко, и я их сметаю просто ладонью в другую ладонь... И делайте с ними что хотите, отправляйте куда пожелаете.

Но я выбрал то название, которое сейчас на книге, – этими словами многие годы я заканчивал свои тексты в разных изданиях.

Пусть называется так – хотя жизненный опыт мне и подсказывает, что никто, к сожалению, к моему пожеланию не прислушивается. Только когда уже поздно, человек говорит себе: “Каким я был дураком!”... Или – но значительно реже – “Молодец, что не послушался!”

60 небольших текстов

Некоторые тексты были написаны для журнала “Русский пионер”, остальные... не помню, да и неважно

1. Собачий космос

Я никогда не хотел быть космонавтом, несмотря на то что мои детство и отрочество совпали с расцветом отечественной космонавтики.

Эта тема интересовала меня только в значках, которые я тогда собирал. Коллекция эта, кстати, сохранилась до сих пор. Серия значков, где фотографии космонавтов вставлены в круглую блестящую рамку размером с тогдашнюю двухкопеечную монету, была очень популярна.

Не буду рассказывать здесь про инопланетян и про тех, кто с ними общался. В отделениях больницы имени П. П. Кащенко такие личности встречались мне довольно часто. Это отдельная тема – космос в психиатрии.

Но я-то назвал свою историю “Собачий космос”, поэтому настало время появиться в ней собаке.

Как-то родители моего пациента подарили мне в благодарность щенка таксы. Ну если хотите, то назовите это взяткой – не борзыми щенками я брал, а таксячими.

Таксу назвали Дездемоной – в просторечии Дези.

Длинная, смешная, с грустными глазами,
С до самого пола мягкими ушами,
С ножками короткими,
Черная, как вакса,
Далеко не кроткая,
Маленькая такса...

Вот она имела отношение к космосу.

Дездемона не просто прожила со мной всю свою собачью жизнь... Она прожила ее на мне – в прямом смысле. Спала она у меня на плече, положив свою лапку на мою грудь. А сидела она у меня на коленях, уткнув свой длинный нос под мышку, когда я писал психиатрическую диссертацию или рисовал картинки, на которых фигурировала тоже она. Эти рисунки я продавал в Битцевском парке, на вернисаже, и они пользовались популярностью. На вырученные деньги под Новый 1985 год я купил свой первый цветной телевизор. Благодаря, конечно, Дези.

Такса моя обладала чувством юмора и яркой индивидуальностью. Вот какой у нас был ритуал засыпания. Дездемона дожидалась, когда мы с женой ляжем в постель и погасим свет. Потом спрыгивала с дивана, брала в зубы свой любимый теннисный мячик и носом его закатывала под наше спальное место. После этого она начинала лаять, требуя, чтобы я этот мячик достал. Я вставал, включал свет, голый шел в прихожую, брал зонт и, ползая на коленях вверх задом, выковыривал из-под дивана мячик. За всем этим процессом, сидя в кресле, молча, сверху вниз, с наслаждением, слегка наклонив голову, наблюдала Дездемона. Так повторялось несколько раз. Потом, насладившись зрелищем и своим превосходством, она укладывала этот мячик у меня в ногах и, обняв хозяина, засыпала – причем похрапывая.

Я так и не смог разгадать многого в моей собаке. Ну, например, как можно объяснить следующий феномен? Если накануне мной было выпито больше нормы (согласитесь, такое иногда может случиться) и утром налицо и на лице все симптомы похмелья, то Дези мучилась больше, чем я. Она не вставала с постели, не просилась гулять, была вялой, подавленной и все время ходила на кухню пить. Причем пила жадно и громко – что называется, лакала. Она страдала не просто за компанию – ей было плохо реально.

Иногда мы выпивали с ней вместе – в минуты моей хандры. Было это так: я накрывал нехитрый стол, Дездемона садилась на стул столбиком, напротив, две свои передние лапки положив на краешек стола, и внимательно смотрела мне в глаза. Я наливал одну рюмку себе, а вторую – ей. Выпивал сначала свою, потом накалывал на вилку кусочек колбасы и протягивал его Дези. Она аккуратно губами брала его с вилки. Дездемона закусывала всегда первой. То же самое я проделывал и с ее рюмкой. Дальше начиналась неспешная беседа. Я мог рассказать ей о своих проблемах, и она внимательно меня выслушивала. Ей только нельзя было задавать сложных вопросов, потому что от умственного напряжения Дези так сильно наклоняла голову, что падала со стула.

У нас с ней был такой цирковой номер на публику. Я спрашивал ее: скажи, мол, Дездемона, а что такое социализм? Она наклоняла голову. Задавал я ей этот крамольный вопрос раз пять. С каждым разом наклон головы у моей собаки увеличивался все больше и больше. В конце концов она теряла равновесие и падала. Этот номер нравился не только моим гостям, но и самой артистке.

А вот чужие пьяные Дездемону раздражали – и она норовила укусить их без предупреждения.

Как-то моя мама, побыв с нашим маленьким сыном, уезжала домой. Мы с Дездемоной, как обычно, проводили ее и посадили в автобус. За ней в последний момент, гремя портвейном, влетели два пьяных гражданина. Дверь закрылась. Вдруг я увидел за отъезжающим узким дверным стеклом искаженное лицо одного из них. Товарищ орал: “Убью суку! Убью!” Я посмотрел на Дездемону – она виновато смотрела на меня. Во рту у нее был внушительный кусок брючной ткани, чуть-чуть подмоченный кровью.

Потом моя мама – в прошлом школьный учитель, – наблюдавшая вторую серию этой истории в автобусе, рассказывала, что пострадавший клялся, что “порвет собачку”, а мама проводила с ним урок на тему “любви к животным”.

О том, что она хорошо знакома с “преступницей”, мама предусмотрительно умолчала.

Как-то мы с Дездемоной ехали в электричке на собачью выставку. Вдруг в вагон вошел контролер и попросил меня предъявить билет. Я предъявил. Он спросил, есть ли билет на собаку. На собаку билета не было, так как она сидела в рюкзаке, а рюкзак лежал у меня на коленях, и из него торчала только ее морда. Я не стал спорить с человеком в форме и заплатил штраф. Честный контролер начал выписывать квитанцию. “Ваша фамилия?” – спросил он. “У меня билет есть, – ответил я. – А вот собаку зовут Дездемона фон Рюпенхаузен. Выписывайте квитанцию на нее”. Препирались мы с ним минут десять. Весь вагон, состоявший из собачников, хохотал. В конце концов пунцовый страж порядка, чертыхаясь и плюясь, выскочил из вагона. Победа осталась за нами!

И вот мне сказали, что настало время мою Дездемону вязать. Ей, мол, это необходимо для ее здоровья. Ну что здесь возразишь, если речь идет о любимом существе.

Для того чтобы Дези можно было вязать по правилам, а щенков потом продать через клуб, я должен был вступить в Общество охотников – но без права охоты. Как бы человек без ружья.

Серьезные люди из этого Общества мне сказали, что для начала я должен сдать им несколько килограммов вороньих лапок. “Что за чушь?” – подумал я. Потом выяснилось, что под присмотром опытного охотника-наставника я должен был выехать на некое поле

в компании себе подобных и отстреливать ворон. И все это для того, чтобы моя любимая сука потеряла свою девственность.

Я, конечно же, никуда не поехал и как-то обошел это мрачное мероприятие.

Потом еще выяснилось, что мне нужна характеристика с места работы. Друзья-психиатры с пониманием отнеслись к этой проблеме и написали, что я морально устойчив и политически грамотен и вполне могу быть охотником без права охоты. Охотничий начальник внимательно прочел мою характеристику и спросил меня: “А где печать?” Печати, о ужас, не было. Что делать? У Дездемоны подходит время течки, а охотничий начальник принимает раз в месяц. Я теряю полгода. Пересчитайте этот срок на собачью жизнь, и вы поймете причину моей паники. Я выхожу из кабинета, достаю из широких штанин свою личную врачебную печать для рецептов – “врач Бильжо Андрей Георгиевич” – и ставлю ее на характеристику на себя же. Охотничий начальник, увидев через несколько минут фиолетовый кружок, не вдаваясь в подробности, радостно воскликнул: “Ну вот, совсем другое дело!”

И вот настал долгожданный и тревожный день – день вязки. Мы с Дездемоной и с консультантом женского пола по интимным собачьим вопросам приехали к жениху. Хозяин жениха был серьезным охотником и крупным мужчиной тургеневского типа. Кобеля звали Змей. Собачью пару поставили на стол – это же таксы. В противном случае, мы все втроем – хозяин, собачий консультант женского пола и я – должны были бы лечь, что, согласитесь, не совсем удобно. А увидеть, случилось или не случилось интимное собачье событие, было необходимо.

Змей очень суетился. Весь дрожал, соскальзывал, промахивался. По этой причине у него ровным счетом ничего не получалось. Я нервничал. А охотник спокойно, с укоризной и досадой, басом, растягивая первый слог и резко произнося оставшуюся часть слова, все время приговаривал: “Та-а-ропишься, Змей! Та-а-ропишься!” У Змея так ничего и не получилось.

“Та-а-ропишься, Змей! Та-а-ропишься!” – сколько раз я потом повторял эту фразу совсем в иных жизненных ситуациях.

В тот же день мы нашли другого героя – дублера. Звали его Марс.

Марс спокойно и профессионально сделал свое дело.

Спустя несколько недель у Дездемоны появился живот, который начал расти с гигантской скоростью. Наконец, живот уже стал тащиться по полу, и Дези с трудом переваливалась на своих коротких лапках. От меня она не отходила ни на шаг. Просто плелась за мной по квартире, заглядывая с тоской мне в глаза.

Я позвонил ветеринару. Тот сказал, что приедет в любое время суток, когда начнутся роды. И они начались. И он приехал.

Утром в День космонавтики, 12 апреля, Дездемона родила трех щенков – двух девочек и мальчика. Одну девочку мы называли Белкастрелка, другую – Терешкова. А мальчика – конечно, Гагариным.

Белкустрелку отдали хозяевам Марса. А Гагарина с Терешковой продали. Поправили свое материальное положение.

Дездемона в конце жизни много болела. Ей сделали несколько операций на молочных железах. Их у нее было семь: четыре с одной стороны, три – с другой. Асимметрично. Я часто возил ее к ветеринару. И вот сидим мы с ней как-то в ветеринарной клинике в очереди на перевязку. А напротив меня сидят три женщины с сумками. Из одной сумки торчит кошачья мордочка.

– У меня, – говорит хозяйка, – кошка с балкона упала и лапу сломала.

– А у меня, – говорит вторая, поглаживая свою собачку, – она упала с крыльца и ногу вывихнула.

И смотрят они вдвоем на третью женщину. А у той сумка на коленях, и из нее ничего живого не торчит.

– А у меня, – говорит третья, – в сумке хомячок. Дочка чистила клетку. А хомячка на стул посадила. Он со стула упал и лапку сломал.

Спать со мной прооперированная Дези отказывалась. Стеснялась себя. Спала на полу, у постели, возле меня. Мне казалось, что к концу своей жизни она понимала абсолютно все.

Похоронена она рядом с моим домом на Смоленской. Иногда по несколько раз в день я прохожу мимо этого места. И вспоминаю ее.

А душа Дездемоны, я уверен, летает где-то в космосе. Про души людей не знаю, а собачьи – точно там. Ведь они первыми его покорили.

Больше собак у меня не было. У меня на них развилась страшная аллергия.

Вот такая космическая история.

Будьте здоровы и держите себя в руках.

2. "Мы едем, едем, едем в..."

Ну что ж, придется сознаться в самом страшном: во-первых, я не люблю машины и, во-вторых, я не умею их водить.

Чувствую, как теряю к себе уважение мужской части читателей.

Все это, однако, совсем не означает, что я ничего не знаю про жизнь на дорогах.

До того как я стал ездить на первой своей "Волге", я часто ездил на "леваках". Каких только машин и бомбил я не перевидал!

...Как-то морозным зимним вечером на Кутузовском проспекте я поймал "Жигули". Открыл дверь – и остолбенел: в машине не было никого. Но не может же машина ездить сама по себе! Пока я размышлял на эту тему, "черная дыра" вдруг заговорила, но довольно странно. Все вроде понятно, но звучит как-то не так.

– Дука? – спросила меня "черная дыра".

– Прямо. До Садового кольца, – ответил я.

– Ксколько? – спросила "черная дыра".

Я назвал сумму.

– Досись, – пригласила она.

Я сел, не отрывая взгляда от "черной дыры". Машина поехала, и постепенно из черноты проступили черты лица. За рулем в черной суконной шапке-ушанке (уши опущены) сидел черный, как шапка-ушанка, африканец.

Африканец в ушанке – это странно само по себе, потому что это противоречие по сути, а за рулем раздолбанных "Жигулей" – еще и страшно.

Ну а какой африканец не любит быстрой езды?

Слава Богу, доехали.

Осенним дождливым днем, не надеясь поймать машину, я шел по московскому переулку, подняв руку, не оборачиваясь. Вдруг сзади услышал визг тормозов. Вздогнув, обернулся. Рядом со мной стояла машина, каких я в Москве в то время не видывал. Дверь распахнулась, и огромный мальчик жестом предложил мне сесть. Что значит "огромный мальчик"? Отвечаю: это когда все огромное, а лицо детское. И школьная челка.

Не успел я сесть, как мальчик начал хвастаться машиной.

– Смотри какая! Смотри, что здесь есть! Смотри, как эта штука выезжает! Смотри, как это открывается! Смотри, как это закрывается! Смотри... В Москве таких всего две! Понял? Одна из них – моя!!!

У пустыря на Смоленской набережной, где сейчас новое английское посольство, он по моей просьбе остановился.

– Здесь, – сказал он с гордостью, – была моя заправка, – и с горечью добавил: – Сожгли.

Я спросил, сколько я ему должен. На детском лице засверкали недетские глаза.

– Я тебе что, таксист? Ты что, не понял, какая у меня машина?!

Я понял: он просто хотел похвастаться. А я оказался неблагодарным слушателем. Он думал, что я буду ему завидовать. А я завидовать не стал.

Зависть и хвастовство – вот главные чувства, которые, как мне кажется, движут нашими гражданами на дорогах, – это их горючее. Садясь за руль, российский автомобилист становится ребенком. Дети на раздолбанных "Жигулях" зло завидуют детям на "бронетранспортерах" – то бишь внедорожниках. Равно как в детстве, один мальчик завидовал тому, у кого игрушка лучше. А эти взрослые мальчики хвастаются своими "танками".

– Смотри, какой я крутой! Я даже могу тебя раздавить! Давай, отвали! Дай дорогу! Не видишь – я еду!

“Ты идиот”, – думаю я, когда вижу, как так называемый “крутой” поставил свой катафалк поперек тротуара.

Помню, стою в пробке. Лето, жара, смог. Подмосковье горит, тополиный пух, окно не открыть в машине. Вдруг со мной поравнялось двухместное открытое “чудо”. В “чуде” сидели парень с девушкой, оба в белом. То есть выехали-то они в белом, а сейчас уже в черном. Как не задохнулись, не знаю. Но хвастуны были очень горды, смотрели по сторонам и ждали всеобщей восторженной реакции.

Один знакомый итальянец, побывавший Москве, на мой вопрос: “Что больше всего тебя поразило в нашей столице?” – ответил: “Огромное количество дорогих машин, – потом он сделал паузу и добавил: – И таких грязных”.

И у меня возникает вопрос: почему часть машин в нашем городе для пустынь и болот, часть – для солнечных побережий, а часть – для гоночных трасс? Ведь ничего этого в Москве нет.

А просто “дети” играют в машинки.

Вот мчится по встречной полосе мусоровоз. Вы думаете, он куда-то торопится? Вы думаете, он спешит убрать мусор? Да нет, просто водитель считает, что он Шумахер. Просто это он так играет... в Шумахера.

Скоро кресты на обочинах дорог сольются, и обочины станут самым длинным кладбищем в мире. Но нас это вряд ли остановит. Мы все равно не уступим дорогу, потому что “дети” не только завидуют друг другу и хвастаются друг перед другом, они еще бывают жестокими и упрямыми.

Я, как курица на проселочной дороге, чудом выскочил из-под колес автомобиля на пешеходном переходе. Я прогнулся, как тореадор, пропуская красную, чуть не сбившую меня машину. За доли секунды я увидел за рулем девушку, разговаривающую по мобильному телефону, курящую и смотрящуюся в зеркало. Мол, как она выглядит в этой красной машине, с мобильным телефоном и сигаретой в зубах?

Да, действительно, женщинам дорогу надо уступать и пропускать их вперед. И, поверьте мне, я так поступаю всегда. Но ведь на дороге нет женщин и мужчин – есть только пешеходы и водители.

А вот еще про машины, коль скоро про это уж зашел разговор. Как много можно сказать о хозяине автомобиля, посмотрев на его автомобиль и на то, как он внутри украшен.

Покажи мне свою машину – и я скажу, кто ты.

Я видел “Жигули”, салон которых был оклеен пленкой под дерево. Сверху над лобовым стеклом – желтая бахрома, а под лобовым стеклом – игрушечная собачка, мотающая головой.

Автомобилисты еще очень любят воздухоочиститель в форме царской короны, распространяющей якобы приятный запах. Так, видимо, пахли цари! Теперь я понял, почему их бесконечно свергали или убивали.

Висящие плюшевые зверюшки – общее место.

Мне всегда жаль полуголых красавиц с запачканной грязью большой обнаженной грудью на дверях кабин дальнобойщиков.

Теннисный мячик еще ничего. Но головка куклы на крючке – не знаю, как он называется, за который цепляют трос, – это уже совсем жестоко.

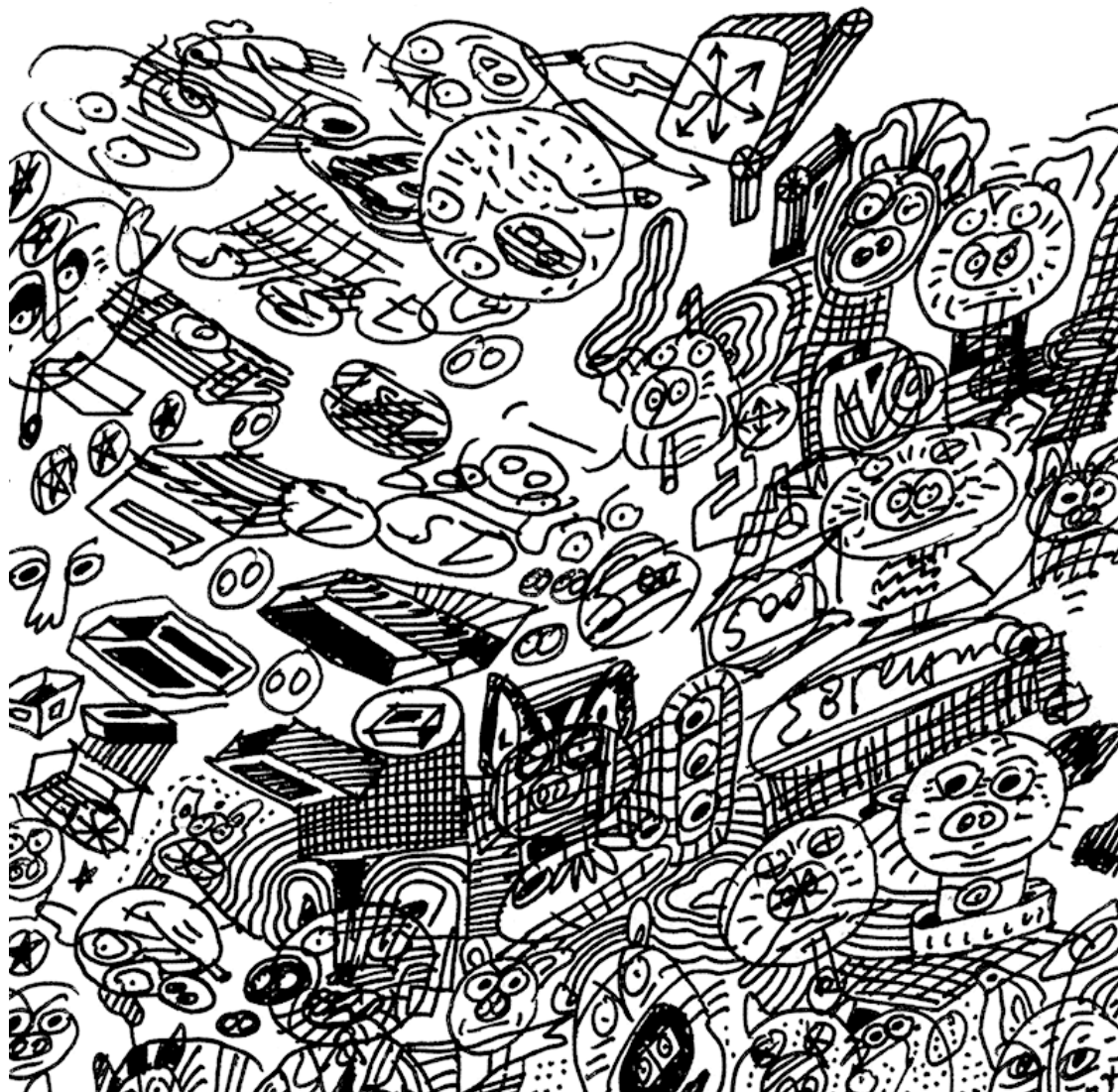
Ну а надписи на машинах?.. “Спасибо деду за Победу!” Да дед бы за такую грязную машину тебя, внучок, прибил бы и был при этом прав. Или “Спасибо за сына!”, ну, или “за дочь!”. Это водитель кого благодарит? Всех женщин большого города? Он, что, со всеми спал? Или – коротко – “Т-34”. Если бы настоящий танкист увидел этот “Т-34”, припаркованный поперек тротуара, он точно его раздавил бы настоящим танком.

Чем страшнее и раздолбаннее автомобиль, тем больше его хотят украсить. Как бы очеловечить.

“Я, – говорил мне один автолюбитель, – со своей машиной разговариваю, если она не заводится. И, ты знаешь, она меня понимает”.

Хорошо бы, чтобы тебя понимали, дорогой автолюбитель, еще и окружающие тебя люди.

Ну, будьте здоровы и держите себя в руках – особенно за рулем.

3. Последний звонок и первый стакан

Не могу вспомнить свой школьный последний звонок. Как-то он у меня слился с выпускным вечером. Какие-то танцы, много курили до головной боли, портвейн на веревочке затаскивали через окно в туалет и пили из горлышка. Потом непременно кого-то тошнило.

Вообще выпивать начали в классе девятом. Пили всякую гадость типа вермута, упомянутого портвейна и плодово-ягодного вина. Пили из майонезных баночек за спортивным залом, аппендиксом отходящим от основного здания школы и образующим укромный уголок. Конечно, выпивали не во время занятий, а вечером и не каждый день, так что не думайте обо мне уж очень плохо.

Как-то в школьном буфете мы взяли по стакану яблочного сока на перемене. На уроке мы были чрезмерно веселы и болтливы. На следующей перемене все сломя голову снова ринулись в буфет и выпили уже по два стакана яблочного сока, а некоторые по три. Буфетчица не могла понять, почему вдруг яблочный сок стал так популярен. А учителя в свою очередь не могли понять, что же случилось со школьниками. Учителя собрались в буфете и держали в руках уже пустые трехлитровые банки, строго глядя на криво наклеенные этикетки, на которых крупно было написано: “Яблочный сок”, а снизу мелко – “с вином”.

Видимо, поставщики и буфетчицы страдали близорукостью, и в таблице Сивцева – по которой проверяют остроту зрения, – где наверху две крупные буквы “Ш” и “Б”, наверное, видели только их.

Однажды нас всем классом повезли в планетарий, а мальчик по прозвищу Дёма за пять минут до того, как мы вошли в зал, выпил портвейна, и, думаю, много. Сейчас я понимаю, что у него была плохая наследственность. Его выжившая из ума бабка ходила по микрорайону, громко в голос без перерыва причитая: “Ой, мой зять водку пьет! Ой, мой зять водку пьет...” Нам казалось, что это одно слово. Бабку так и называли – “оймойзятьводкупьет”.

Так вот, когда свет в планетарии погас и на темном небе зажглись звезды, портвейн у Дёмы как раз всосался в слизистую желудка и начал постепенно поступать в кровь, а когда небо завертелось над нашими головами, голова у Дёмы закружилась. Держался он до последнего, но физиология есть физиология. Видимо, портвейн и планетарий – это гремучая смесь, и Дёму стало тошнить.

“Мальчику плохо, мальчику плохо!!!” – закричали учителя. Зажгли свет. Звезды погасли. И все устали на бледного и несчастного Дёму.

Эту историю хотелось бы закончить словами: “Потом Дёма стал космонавтом!” Ну, врать не буду, потому что не знаю, кем стал Дёма, но точно знаю, что я стал врачом-психиатром и лечил разных больных – в том числе от алкоголизма.

Одно время я недолго подрабатывал преподавателем в медучилище. Был я тогда ординатором и преподавал психиатрию. И вот показываю я студентам, а точнее студенткам (в группе были одни девочки), медучилища больную синдромом Корсакова. Это когда при хроническом алкоголизме исчезает память на текущие события.

Я больную спрашиваю:

– Скажите, Мария Петровна, какое сегодня число?

Она мне отвечает:

– Сегодня 10 сентября.

Я ей:

– Нет, Мария Петровна, сегодня 31 мая.

Она:

– Как быстро летит время, доктор.

Я тут же снова задаю ей тот же самый вопрос. Она называет другое число.

Я ей:

– Нет, Мария Петровна, сегодня 31 мая.

Она:

– Как быстро летит время, доктор.

И так несколько раз. Потом поворачиваюсь к студенткам и говорю:

– Ну вот, это и есть синдром Корсакова.

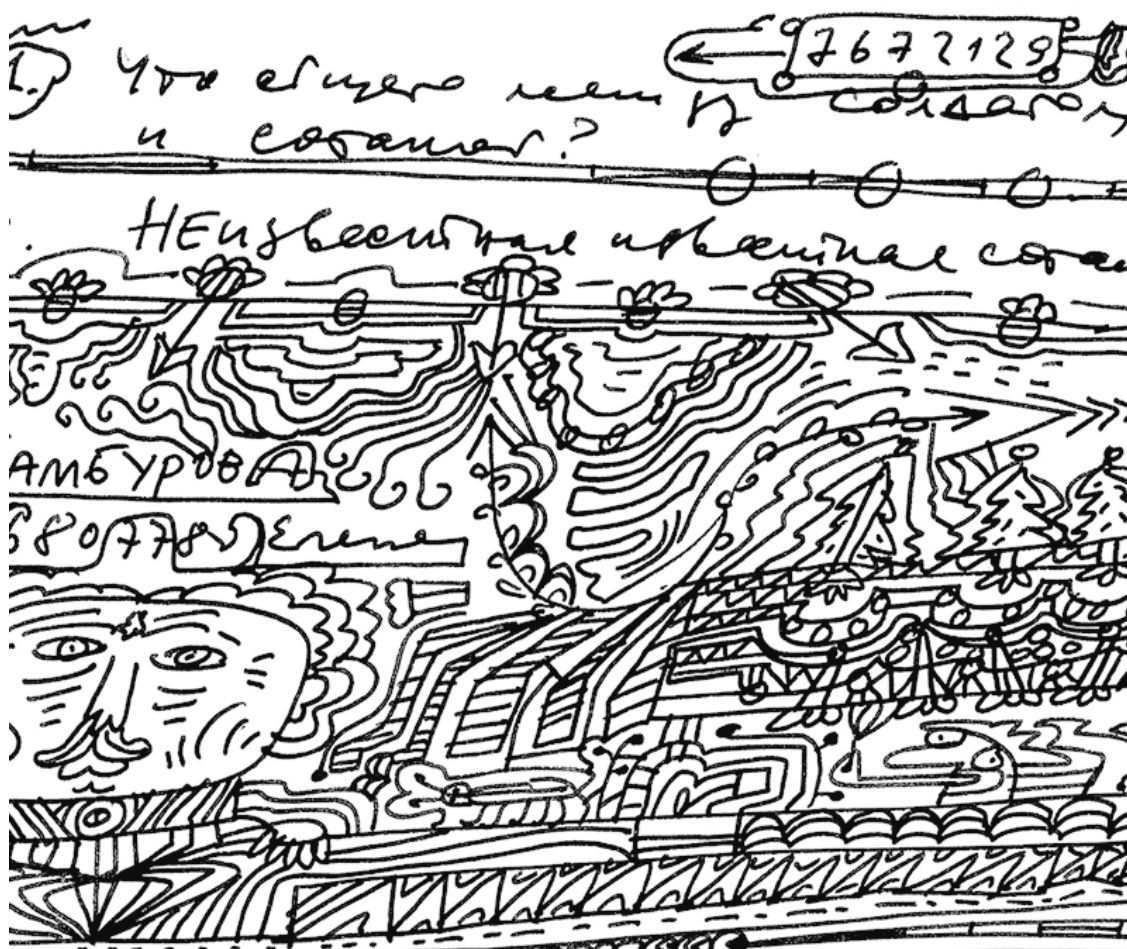
Пауза. У всех студенток открыты рты. Вдруг одна мне тихо так говорит на ушко:

– Андрей Георгиевич, а сегодня не 31 мая, а 5 июня.

Да, как быстро летит время.

И последний звонок где-то далеко так, что и не слышно его, и в руках далеко не первый стакан.

Будьте здоровы и держите себя в руках.

4. Мой первый водитель

Моего первого водителя звали Леня. Леня был 20-летним, голубоглазым, стройным брюнетом невысокого роста. У него была своя машина “Тойота Корова” – так я услышал по телефону. “Корова” была старой, с правым рулем и с двумя дверьми. Леня купил ее за 300 долларов. Я недолго на ней проездил. Пожалел себя. Так как руль у этой машины был справа, мне все время казалось, что машину веду я, но почему-то без руля. И мне было страшно.

Вскоре я купил свою первую машину – “Волгу” цвета морской волны.

Леня “подавал машину” вовремя. Приезжал он на ней из далекого Тушина, где жил со своей мамой и моей “Волгой” цвета морской волны. Леня всегда не то чтобы выходил – он выскакивал из машины, открывая дверь мне, членам моей семьи и всем, кого он возил вместе со мной. Мне было неудобно, и я сказал ему, что делать это следует только для женщин. Леня принял это к сведению сразу.

За рулем Леня сидел в рубашке и галстуке.

– Вот видишь, как хорошо одевается Леня, не то, что ты... – сказала мне как-то моя мама.

Я посмотрел на свои джинсы и свитер – действительно, все это выглядит как-то смешно.

– Мне кажется, Леня, что носить рубашку с галстуком каждый день при твоей работе не очень комфортно, особенно в жару...

Намек Леня понял правильно. Он был очень понятлив.

Первая вмятина появилась на “Волге” через месяц. Опустим здесь подробности той аварии, тем более что тогда меня не было в машине, – впрочем, как при второй, при третьей, при четвертой... Разумеется, Леня ни разу не был виноват. Мне казалось, что его голубые глаза не врал. Он вообще был очень трогательным. Рассказывал, как плакал, когда у него умер хомячок. Консультировался со мной, как ему бороться с дачным соседом-обидчиком, спилившим березы на их с мамой участке. Рассказывал, как они с мамой мыли щеткой несколько картошин, пропахших бензином.

Шло время. Леня начал мужать и полнеть. В ресторане, который я оформлял и в котором часто бывал по делу, Леня плотно ел – точнее, его кормили, даже без моей просьбы. Он сидел в окружении официанток, что-то им рассказывал, они внимательно слушали, подперев щеки руками, и уплетал котлеты. Это был уже другой Леня. Этот Леня уже не только не выходил из машины – он вообще перестал открывать дверь изнутри кому-нибудь из пассажиров. Включая меня.

Однажды “Волга” цвета морской волны сгорела у Лени под окнами. Сгорела вся. Почему она сгорела, осталось загадкой. Леня утверждал, что ее подожгли. Оставшийся корпус машины я отдал Лене. А тот решил сделать машину сам.

– Я ее восстановлю, Андрей Георгиевич, – гордо и самоуверенно сказал он.

Между тем надо было ездить. И я как патриот купил вторую “Волгу”, но уже черную. Налицо был явный мой рост. Через месяц на капоте новой машины появилась вмятина.

– Лыжи упали в гараже у друга и прямо на капот.

Эта фраза в качестве объяснения, брошенная летом невзначай, мне понравилась. И я, чтобы не разрушать этого шедевра, не стал интересоваться подробностями. Спокойно произнесенный Леной абсурд очень сочетался с его пиджаком с плеча писателя Владимира Сорокина, который подарил Лене наш общий друг. К этому времени Леня сильно раздался вширь. В машине он уже не поворачивал головы со стриженным, в складках затылком.

Как-то раз в “Шереметьево” он встретил меня на серебряном джипе.

– Леня, а где моя “Волга”?
– Отдыхает, Андрей Георгиевич. Она много работала, пусть отдохнет...
– А чей это “Джип”, Леня? – осторожно поинтересовался я.
– А, этот? – удивился он, – этот джип мой. Я его у друга купил. Ту, сгоревшую, “Волгу” сделал, продал и “Джип” купил.

Спустя неделю Леня уволился. Сам.

Черная “Волга” встала через несколько дней. Новый водитель в ней долго ковырялся.

– А что она у вас горела, что ли? – спросил он.

– А с чего вы взяли? – удивился я.

– Да много, Андрей Георгиевич, обгоревших деталей. Вот, смотрите...

И он выложил их на мой стол.

Вот такая история одного становления личности.

Ну, будьте здоровы и держите себя в руках.

5. Вот такое кино...

В детских воспоминаниях нет хронологии. Что за чем идет, совершенно непонятно. Да и не очень хочется в этом разбираться. Это кадры только твоего кино. Не склеенного. На монтажном столике. Кино без монтажа. Рабочий материал.

Люся

Жили мы тогда в огромной коммунальной квартире на Домниковской улице. Комната, которую мы занимали, была четырнадцатиметровой. И в ней обитали четыре человека. А в соседней комнате жила другая семья. С девочкой Люсей. Мне было пять лет, а Люсе – семь. Наших родителей не было дома. Мы играли в доктора. Отгадайте с трех раз, кто был доктором? Правильно, уже тогда, в пять лет, им был я, и по всем медицинским правилам я проводил внешний осмотр Люсиного тела. На самом интересном месте этого тела мною было обнаружено родимое пятно размером с тогдашнюю двухкопеечную монету. Потом вошел мой папа, и мы спрятались под круглый стол. Папа тактично вышел. Люся оделась и, краснея от стыда, убежала.

Удивительно, но эту родинку я запомнил на всю жизнь, и думаю, что о ней мало кто знает, ведь в переходном возрасте по понятным причинам эта родинка спряталась даже от самой ее обладательницы. Этого секрета, этой врачебной тайны я не открою никому – я же давал клятву Гиппократу.

Не волнуйся, Люся.

Пираты

Домниковка – так говорили все. Не Домниковская улица, а именно Домниковка. “Ты где живешь?” – “На Домниковке”.

Улицы этой давно уже нет. Все дома снесли. Кроме одного. Да, да, именно моего.

Потом эта улица называлась именем Маши Порываевой. Потом Новокировским проспектом. Теперь – проспект Сахарова. Разные времена – разные названия улиц. Ну а сейчас здесь стоят большие, бессмысленные дома. Бессмысленные, но с деньгами – все больше банки. Все больше офисы. Бессмысленные.

А дом мой почему-то остался...

Эта улица соединяла – теперь это делает проспект Сахарова – площадь трех вокзалов с Садовым кольцом. Кстати говоря, Домниковка до революции была известна как улица публичных домов. Их все снесли.

А дом мой остался... Маленький, странный и совсем другой среди этих больших, одинаковых зданий. Он в явном меньшинстве среди довольно агрессивного большинства.

Дом этот кирпичный. Крашеный кирпич. С белой кирпичной же отделкой. Он похож на старые корпуса психиатрической больницы имени Кащенко (теперь Алексеевской). За что я, видимо, эту больницу очень любил – да и люблю. Этот мой дом такая псевдоготика. Бывшая католическая гимназия – точнее, католическая гимназия была во дворе. А дом этот, где мы жили, был общежитием для гимназистов.

Коммуналка – это счастье! Счастливое коммунальное детство. Потому что все – твое. Весь коридор с четырнадцатью дверьми. Туалет на две кабины. Кухня с огромной чугунной раковиной и двумя кранами.

Я стою на скамеечке у этой чугунной раковины и тщательно мою руки.

- Андрюша наверняка будет врачом.
- Почему вы так думаете?
- Посмотрите, как он моет руки... Как хирург.

Хозяйки жарили треску. Это сейчас треска деликатес – а тогда она была плебейской рыбой. Запах ее расползался по коридору, проникал в комнаты через замочную скважину, а там уже в складки одежды. Все пахли жареной треской.

Мыться ходили в баню буквально напротив через дорогу. Зимой молодые дамы на абсолютно голое тело набрасывали шубы. Игриво хохотали. Все время хохотали.

Война закончилась. Сталин умер. Можно хохотать.

Я ходил в баню с папой смотреть “пиратов”. “Пиратами” были мужики с татуировками. “Смотри, смотри, папа, какой пират!.. С татуировками. Настоящий. Без ноги... А вон тот, смотри, без руки...” Когда “пираты” одевались, на лацканах их пиджаков были медали и ордена.

Мой папа “пиратом” не был. Ему повезло. Он прошел всю войну от и до. Через Сталинградскую битву, на Т-34.

Но я понял это много позже.

Демонстрация

В нашем доме были две лестницы. Одна – парадная. Она проходила в центре дома, с красивыми перилами, ажурными балясинами и широкими, каменными, стертymi ступенями – как во дворце.

В этом доме все было для меня.

По этой лестнице мне можно было спускаться на улицу только со взрослыми.

Вот мы с папой и мамой выходим на 1 Мая из парадного подъезда (так и говорили) и идем гулять – на демонстрацию.

Надо честно признаться, что демонстрации я очень любил. Я сидел у папы на плечах, и сверху мне все было видно. Я размахивал красным флажком. У него маленький, деревянный, круглый флагшток, к которому прибита красная тряпочка. На красной тряпочке нарисован ярко-желтый ромб. Внутри ромба была Спасская башня с часами. А внизу написано “СССР”. И от СССР расходились в разные стороны ветки дуба и лавра.

Были красные флажки с голубем мира и надписью “Миру – мир!” на фоне земного шара.

А были еще флажки с кремлевской звездой, и салютом, разлетающимся от нее во все стороны, и надписью внизу: “С праздником!”

Я бы ни за что не вспомнил этих подробностей, если бы этих флажков не было сейчас в моей коллекции старья и они не лежали бы передо мной.

А вот глиняную крашеную обезьянку на резиночке, с ручками и ножками из пружинок, я только помню. Обезьянки бились и не сохранились. Еще были шарики на резинке, как елочные игрушки. И “уди-уди”. Надуваешь через трубочку маленький шарик, а потом из него выходит воздух, издавая такой звук: “Уди-уди-уди”. На трибуне мавзолея стояли какие-то дядьки, и они мне махали рукой. А я им в ответ махал флажком. А потом, когда мы с папой и мамой ехали на метро домой, то встречали людей с гигантскими бумажными цветами.

А у бабушки Антонины Игнатьевны, папиной мамы, на Пятницкой нас уже ждал праздничный стол. С салатами и пирогами.

Когда я стал часто бывать в Венеции, я узнал, что там 1 мая тоже нерабочий день – праздник труда. И венецианцы ходят с большими бумажными цветами и гуляют семьями, и дети сидят у пап на плечах с маленькими итальянскими флажками.

Может быть, поэтому я так полюбил Венецию.

Парадный подъезд

Потолок парадного подъезда был весь в черных пятнах. Старшие “плохие мальчишки” подбрасывали горящую спичку вверх, намочив слюной противоположный ее конец, и спичка прилипала этим концом к белому потолку, сгорая и оставляя след, как черный, павлиний хвост. Я пробовал. Я тренировался. Я мечтал этому научиться. Ничего не получилось. Бездарь.

Секретики

Наш двор был замкнутый – стены со всех сторон. Как монастырский.

Землю подметали – то есть во дворе была чистая, черная, подметенная земля. Ни травинки. Из черной подметенной земли со следами от метлы росли деревья.

В этой земле мы делали секретки. В вырытую ямку клали цветочки, фантики, картинки. Накрывали эту красоту стеклышком и засыпали.

Где-то там во дворе до сих пор хранятся мои секретки. Приветки из второй половины 50-х.

С тех пор я, наверное, люблю подметенную землю и монастырские дворики.

Мушкетеры

Ну как, как в таком пространстве было не играть в мушкетеров?! Я был слугой Д’Артаньяна Мустоном, или Мушкетоном.

“Андрюша, Андрюша! Ты, что, не слышишь, что тебя зовут?..” А кто это – Андрюша? Я же Мушкетон. Ах, да... Андрюша – это же я. Совсем забыл, как меня зовут.

Д’Артаньян курил тайком за углом. “Хочешь попробовать, Мустон?” – “Нет, мама будет ругать”.

Телевизор

У нас телевизора не было. А у Степановых телевизор был. Степанов был парикмахер. Он ходил по коридору в шелковой пижаме, выпятив вперед живот, и всегда благоухал “Шипром”. Он был подстрижен под “бокс”. На стриженном затылке – две складки.

Я дружил с его сыном. У него был синдром Дауна. Он был намного меня старше. Но мы были как ровесники. В туалете мы брали крест от новогодней елки и носились с ним по коридору, изображая самолет. “Ры-ры-ры-ры” – это взлет. “У-у-у-у” – это полет. “И-и-и-и” – это посадка.

Вот у Степановых-то я и смотрел телевизор чаще всего.

Фильм “Поющая пудреница” – про то, как дети дружественной нам Чехословакии ловили шпионов, – я помню до сих пор.

Этим телевизором был “КВН”. С маленьким экраном. Поэтому к нему приставлялась линза – это был полый, округлой формы сосуд с выпуклой передней стенкой. Практически аквариум. Через маленькую дырочку, размером с копеечную монету, линза заполнялась водой или глицерином и затыкалась пробочкой из газеты. Маленькие кусочки газеты накапливались на дне линзы и, если линзу слегка задевали, поднимались вверх, напоминая молеподобных рыбок. Даже когда мимо телевизора проходили, то от колебания пола (линза

крепились к телевизору двумя толстыми пружинистыми проволоками) “рыбки” оживали. Поэтому “КВН” с линзой было интересно смотреть, даже когда он был выключен.

Такой же телевизор был и у моей бабушки Антонины Игнатьевны в большой трехкомнатной квартире на Пятницкой, где меня иногда оставляли. И где бабушка как-то заперла мою маму, беременную мной на шестом месяце, чтобы беременная мною мама не пошла на похороны Сталина, куда сильно рвалась. Несмотря на то что ее собственная мать была репрессирована и находилась в это время в Тюмени, а отец и вовсе исчез в 37-м году в подвалах Лубянки.

Спустя десятилетия я спросил маму, почему она так рвалась на похороны Сталина, и она ответила: “Я была душой”.

А вот возвращение Юрия Гагарина, его улыбку и развязанный шнурок я смотрел тоже по телевизору “КВН” на Домниковке у соседей со смешной фамилией Разбегаевы. Девочка Мила не хотела есть кашу. Всю кашу из тарелки Мила переложил себе за одну щеку. И подпирала эту набитую кашей щеку рукой. Я смотрел то на Милу, то на Гагарина. Но даже Гагарин не смог заставить Милу проглотить эту кашу. Я ушел, не дождавшись начала Милиного процесса пищеварения.

Боря

День рождения Бори был 5 марта. И, когда умер Сталин, его родители очень расстроились. Не потому, что умер Сталин, а потому, что они подумали, что больше никогда не смогут отмечать дня рождения своего сына.

Боря мечтал стать художником – но был дальтоником и художником не стал.

Я тоже мечтал стать художником. Уже тогда. И в конце концов им стал.

Детский сад

Меня иногда отдавали в детский сад. Недалеко от дома моей бабушки, маминой мамы Зельды Израильевны. Я его, этот детский сад, ненавидел. В нем было что-то фальшивобольничное. Воспитатели ходили в белых халатах, но не были врачами. Врачи лечили, а эти – “не разрешали”. Я был мальчиком очень чувствительным к запахам – а пахло в детском саду подгоревшей молочной кашей и тряпками. Этот запах до сих пор вызывает у меня животную тревогу, и меня начинает мутить, как в детстве. По этой-то причине в детском саду я не мог ничего есть – то есть буквально ничего.

Я не мог есть селедку, из которой седые волосы торчали, как кости, а вокруг, словно море, лежало голубое пюре. Есть ЭТО я не мог, и меня водили с тарелкой к директрисе – толстой, в несходящемся халате тетке, которая должна была меня от селедки освободить. Она нависала надо мной и кричала: “Если ты не будешь есть ЭТО, то мы введем тебе пищу через зонд”. Я думал, что через зонтик, и не мог понять, как это возможно. Слово “зонд” я узнал позже, став студентом медицинского института.

Еще я не мог есть бутерброд с маслом. Он был для меня сущим кошмаром. На белый, мягкий кусок хлеба работники детского общепита клали кубик твердого, замерзшего масла. Дети должны были его сами намазать на хлеб. Сделать это было никак невозможно. Ножей детям не давали – видимо, боялись, что дети нарежут ими своих воспитательниц, и приходилось намазывать масло черенком алюминиевой чайной ложечки. Черенок гнулся, а твердое масло, вдавливаясь в мягкий хлеб, намазывалось на стол. Есть масло в таком виде я не мог. Тошнило. И тогда добрая воспитательница, следя за тем, чтобы каждый ребенок получил свою дозу полезного продукта, бросала мне кубик сливочного масла с уже прилипшими к нему крошками хлеба в горячий чай (кофе, какао) и размешивала этой самой алюминие-

вой ложечкой. Вся поверхность горячей жидкости покрывалась желтыми островками масла. Воспитательница ждала, пока при ней, давась, я выпью эту гадость.

Я не мог есть ни бледных котлет – которые я прятал в кармашках штанишек, а потом на прогулке выбрасывал в урну, за что не раз был наказан, – ни молочного супа-лапши с желтой, противной пенкой. Но при этом я был упитанным, мордастым и щекастым мальчиком. Секрет загадки природы прост: бабушка. Она забирала меня из ненавистного детского учреждения, и мы садились на ближайшую лавочку в Останкинском парке так, чтобы никто нас не видел. Она доставала из сумки ванильные во влажной бумаге сырки с изюмом и калорийные булочки. И все это я уминал тут же.

Калорийная булочка... Сегодня булочка с таким названием обречена на провал, но тогда... Тогда советские граждане должны были питаться хорошо – а значит, калорийно. Булочка была темно-коричневой. Блестящей и пупырчатой от черного изюма. Но на разломе она была светло-желтой и пахла!.. Господи, как она пахла!

Художница

Иногда меня оставляли и у этой бабушки. Она жила на проспекте Мира, тоже в коммуналке, но маленькой – с двумя соседями. Одна ее соседка была очень курящей художницей и работала у себя в комнате, не выпуская папиросу изо рта. Комната пахла красками, табачным дымом и духами “Красная Москва”. Художница носила китайский халат с драконами на спине, ярко красила губы и была без ноги.

Ногу она потеряла на фронте.

Расписывала она подносы.

Смерть

Мальчик из соседнего подъезда там, на проспекте Мира, мой ровесник, попал под поезд. Железная дорога была тут же рядом. Он лежал в маленьком гробу, а вокруг стояли любопытные дети. Дети не плакали. Дети разглядывали мертвого мальчика. Это была моя первая встреча со смертью. Голова мальчика была зашита толстыми нитками.

На следующий день его мама ходила по двору и раздавала детям из кулька конфеты “Подушечки”. Розового цвета. Конфету я взял, но съесть не смог. Я незаметно ее выбросил. Конфет “Подушечки” я никогда не ел.

Метро

Когда мы переехали из коммуналки в центре Москвы в хрущевку, меня, девятилетнего мальчика, вдруг охватила дикая тоска по моей малой родине. По Домниковке. Была зима. Никому ничего не сказав, со станции метро “Проспект Вернадского” я отправился на станцию “Красные ворота”. Я гулял в своем дворе, забыв, что живу теперь в другом месте – точнее, в другом мире. Спихватился я, когда уже стемнело. В метро валенки без галош, как губки, впитывали лужи.

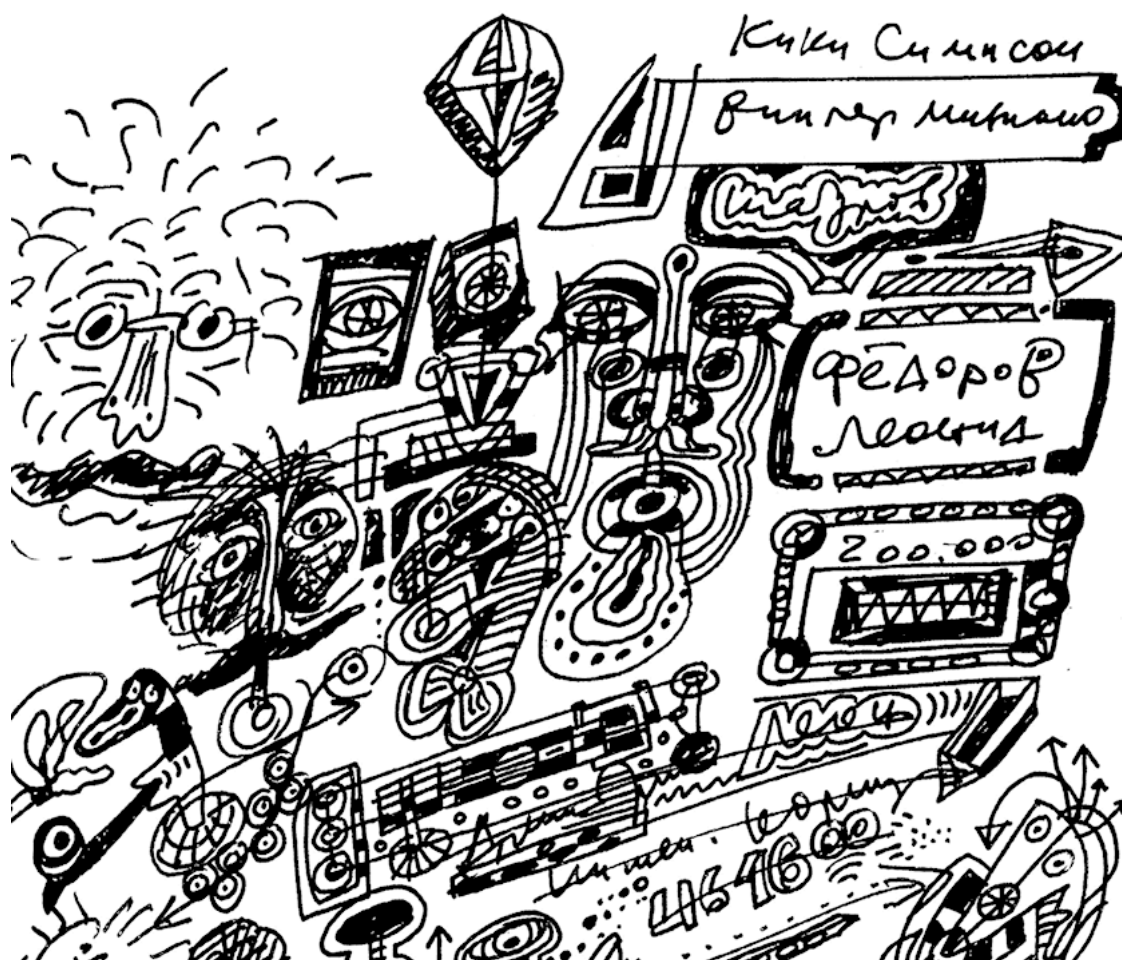
Лужи в метро, между прочим, собирали так: мраморный пол посыпали опилками, а потом лысой, без щетины шваброй в форме буквы “Т” с большой горизонталью собирали пропитанные грязью опилки.

Но мне луж хватило.

Дома меня наказали. Но именно с этой первой самостоятельной поездки в метро я почувствовал себя значительно взрослее.

Вот такое кино получилось. Если хотите, монтируйте его сами. А я потом с удовольствием посмотрю. На большом экране.

Будьте здоровы и держите себя в руках.

6. Без пафоса

Это будет нестройное повествование... Сбивчивое...

И потому что эмоции мешают, и потому что невозможно установить логическую связь между кусками частных жизней, и потому что каждый эпизод мог бы стать самостоятельным большим рассказом...

В общем, наверное, из таких частных историй и складывается, как мозаика, история страны.

Я смотрю на фотографию, на которой восемнадцатилетний юноша в форме курсанта танкового училища. Он стоит под черной радиотарелкой, опершись на ломберный столик.

Странное сочетание...

Из этой картонной черной радиотарелки еще не прозвучал голос Молотова, объявивший о начале войны. До этой знаменитой речи еще целый год.

А три года назад папу этого курсанта в этой квартире на Пятницкой арестовали, перед этим уничтожив весь тираж его книги «Полиграфические машины». Случайно оставив потомкам только два экземпляра.

Юноша больше никогда не увидит своего отца. Но, стоя у его ломберного столика в форме курсанта, он в это, наверное, не верит.

Папа до ареста присылал ему открытки с видами городов Германии, где был в командировке. «Дорогой сынуля, скоро я приеду. Германия очень интересная и красивая страна. Я по тебе соскучился. Твой папа».

Обычная открытка. Такие писали, пишут и будут писать отцы своим детям.

Когда юноша получал эти открытки с видами немецких городов, он еще не знал, что побывает в этих городах. И увидит их из своего танка Т-34. Эти открытки...

Юноша в форме курсанта – это мой папа.

Своего папу я никогда не называл отцом, даже в третьем лице. Даже когда давно вышел из детского возраста. Может быть, потому что он был очень добрым и мягким человеком.

“Отец” – для моего уха звучит как-то сурово и официально. Как-то по-анкетному.

Я очень жалею, что с папой недоговорил и что многого недопонял. Во всем виновата эта дурацкая проблема – “отцы и дети”. Хочется быть взрослым и самостоятельным. И мне почему-то было стыдно и почему-то было неловко проявить и показать свою любовь. Ведь хотелось обнять его, прижаться к нему – а не получалось. Что-то мешало. Чушь какая-то...

Передо мной на столе лежит желтый листок бумаги, развалившийся на четыре разные части по местам сгибов. Это удостоверение на медаль “За оборону Сталинграда”. Самой медали нет. Она была потеряна еще во время войны. Папа очень хотел ее восстановить. Ходил в какие-то инстанции, показывал этот листок, но в инстанциях сказали, что медаль эту восстановить невозможно. Я бы мог ее, конечно, купить. Но это как-то гадковато – покупать чужую медаль.

Мой папа был настоящим танкистом. Всю войну он прошел на Т-34.

Там, под Сталинградом, когда он думал, что ему и всему живому конец, он вспомнил, что в Парке культуры и отдыха имени Горького (как здорово звучали, наверное, эти слова во время войны) цыганка по руке нагадала ему, что он женится и у него родится мальчик. “Как же так? – думал он. – Я же не могу сейчас, вот здесь, вот так, в этом месиве, состоящем из грязи и крови, взять и погибнуть. Ведь у меня есть будущее. Оно мне было обещано. Ведь у меня должен быть сын”.

И у него появились силы, и надежда, и вера. Не в Сталина и Родину, а просто в то, что что-то в его жизни должно еще быть впереди. Кроме войны.

Папа должен был погибнуть во время войны несколько раз. То есть мои шансы не родиться были довольно велики.

Искали, но не нашли, курьера, чтобы отвезти пакет в штаб. “Эй, Бильжо, Петрова не видел? Ну тогда сам в штаб поедешь. Собирайся срочно. Чтоб завтра был обратно. Понял?” А обратно было уже некуда. Погибли все до одного.

Почему он был не в танке, не знаю. Теперь уже не уточнишь. Не хватило места в машине. Он сел в следующую. Колонна двинулась. Снаряд угодил прямо в ту, в которой ехать хотелось ему с друзьями.

Похоронку на себя в квартире на Пятницкой он получил сам. Был в отпуске два дня. Звонок в дверь. Он открыл. На пороге почтальон: “Здравствуйте, это вам”. И похоронка...

Вот открытка из немецкого города Стендаль. С его видом.

9 января 1946 года. “Милая мама! Я давно не писал. Были на то причины. Сейчас я переместился еще дальше, и адрес мой изменился. Спешу сообщить, что живу хорошо, все по-прежнему и думаю уже скоро быть дома. Новый год прошел незаметно в работе. Погода здесь удивительная. Еще ни разу не было по-настоящему холодно. Ходили почти без шинелей, а снега нет и в помине. Относительно моего здоровья и прочего можешь не волноваться. Все обстоит хорошо. Думаю, что скоро буду дома. Рассчитывал на Новый год, но ошибся. Сейчас живу спокойно, провожу время в ожидании новостей. Каких – известно”. На открытке красная печать с гербом СССР и надписью “Просмотрено военной цензурой”.

Обычная открытка. Такие писали, пишут и будут писать сыновья своим матерям.

Папа после войны женился на еврейке, у которой расстреляли отца, а мать была в ссылке. Это была настоящая любовь. Папа ничего не боялся, ведь он был танкистом.

У них родился мальчик. Это я.

Цыганка была права.

Папа защищал Родину, которая в это время издевалась и медленно убивала в норильском лагере невысокого шуплого русского интеллигента, отобрав у него пенсне, – его папу. Моего деда. А потом Родина деда расстреляла. Мой папа, когда воевал, этого не знал. Он честно делал свою работу. Так он называл войну. “Грязная работа. Кровь, смешанная с грязью”.

Он редко ее вспоминал. Но если вспоминал, то без всякого пафоса. Он носил на пиджаке только значок “Участника боевых действий”. Просто один значок. Медали “За отвагу” и “Оборону Сталинграда” были предметом его тихой гордости.

За несколько месяцев до смерти он со своим школьным товарищем, с которым некогда сидел за одной партией, лежал в госпитале – так они подгадали, чтобы быть вместе. Папин одноклассник тоже был фронтовиком, прошедшим всю войну.

В госпитале они дурачились, как в школе. Подтрунивали над пафосными ветеранами-сталинистами.

У папы с его другом была вся жизнь такой, как бы юмористический, дуэт. В компаниях они всех смешили.

Это была их последняя встреча. Дядя Саша, так звали школьного друга папы, с трудом пришел на его похороны. Постоял у гроба и сказал только одну фразу: “Ну вот, Юрочка...”

Через два месяца умер и он.

Им было по 75 лет – возраст немецких туристов.

То, что у расстрелянного в норильском лагере деда был брат Петр, который до революции с ансамблем балалаечников уехал на гастроли в США да там со всем ансамблем и остался, я знал. Знал и удивлялся – какие разные судьбы. Одного расстреляли в Норильске, а другой счастливо жил в Америке, стал известным музыкантом. Играл на балалайке и руководил джазовым ансамблем. Я не знал только одного, что у него был сын, которого звали, как и моего папу, Георгием. Два брата, не сговариваясь, одинаково называли своих детей.

Не знал я и того, что американский Георгий воевал. Один Георгий Бильжо воевал в Советской армии, другой – в американской.

Они воевали, не подозревая о существовании друг друга.

Только один Георгий – мой папа – вернулся с войны, а его двоюродный брат, воевавший в американской армии, погиб.

Узнал я все это относительно недавно. Наткнувшись в Интернете на список американских военных, погибших во Второй мировой войне. Бильжо Георг Петр – значилось в мартирологе.

Я пишу этот текст, сидя в жестком, старом, венском, тонетовском кресле, в котором сидел мой дед, а потом мой папа.

Деревянные подлокотники вытерты нашими локтями и ладонями. А сиденье вытерто нашими задами.

Мне это приятно. Меня это греет.

Ну, за Победу! Без пафоса!

Будьте здоровы и держите себя в руках.

7. Детский мир

Раньше был только один “Детский мир” (далее эти два слова можно читать как в кавычках, так и без). Находился он в центре сердца нашей родины. “Детский мир” был большим, светлым, открытым, и там было много веселых игр и много разных игрушек из “настоящих” материалов.

Возник этот “Детский мир” по соседству с другим большим миром, но взрослым – и в отличие от детского – довольно мрачным и закрытым. В этом взрослом мире было тоже много игр – например, приключенческих, но в основном это были ужастики. Игрушки там были тоже, и все тоже из натуральных материалов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.